

13 0 МАЯ 1973

150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО

В 1850 году в журнале «Московитянин» была напечатана комедия молодого драматурга Александра Островского «Свои люди — сочтемся». И хотя она была сильно потрепана цензурой, император Николай I запретил играть ее на сцене, начертая на представленном ему экземпляре: «Напрасно напечатано, играть же запретить во всяком случае». Лишь через десять лет, уже после смерти царя, после долгих мытарств «Банкрут» (так в новой редакции называлась пьеса), опять-таки изрядно оципанной цензурой, смог, наконец, появиться на сцене.

Некрасов чрезвычайно заинтересовался и пьесой, и автором и, как пишет Авдотья Яковлевна Панаева, «хлопотал познакомиться с Островским и пригласить его в сотрудники «Современника». Она же вспоминает, что «обед, данный для Островского, был очень оживлен», что новый знакомый Некрасова всем понравился, что ее поразило, с каким спокойным достоинством он держался и ни в этот раз и никогда в будущем ничего не говорил о частной жизни своей и других литераторов. Такие разговоры он терпеть не мог, сразу же умолкал и замыкался в себе. Зато читал он свои пьесы в кружке «Современника» весьма охотно, потому что высоко ценил мнение Некрасова, великодушного знатока сцены.

С 1856 года Островский становится постоянным сотрудником самого передового журнала той эпохи — «Современника». В этом же году в своих заметках о журналах Некрасов назвал Островского — «наш бесспорно первый драматический писатель». Разбирая комедию «Не так живи, как хочешь», он пишет: «Не говоря уж о верности языка, русский склад и в жизни и в речи дан Островскому более чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом». И далее следует тонкий, можно сказать, изысканный разбор пьесы, обнаруживающий глубокого знатока законов драматургии и сцены и глубокого почитателя таланта автора.

В этом же году «Современник» перепечатал «Семейную картину» драматурга, впервые опубликованную еще в 1847 году в «Московском листке», мотивируя это тем, что редакция журнала желает дать этой пьесе более широкую и взыскательную аудиторию.

С 1856 года начинается интенсивная переписка писателей. Всего сохранилось более 70 писем Некрасова к Островскому и около 100 ответных. Здесь надобно сказать о том, какую роль играл Некрасов в

материальном обеспечении вечно нуждавшегося драматурга. Исследования их обширной переписки и побочных материалов — мемуаров и воспоминаний — красноречиво говорят о том, что многие замечательные пьесы великого драматурга увидели свет лишь потому, что Некрасов не только беспренятственно и незамедлительно печатал все им написанное, но и обеспечивал работу драматурга материально.

В 1857 году, возвратившись из-за границы, где он лечился, Некрасов застаёт в редакции «Современника» раскол: дворянские писатели-либералы во главе с Тургеневым восстали против «семинаристов» — писателей-разночинцев, возгла-

вляющих вхож: «Мы все досадуем, что остановили «Доходное место», но в настоящее время дело это едва ли можно поправить. Надо подождать — кажется, однако ж, недолго».

Когда Островский задумал издать свои пьесы отдельными книгами, он тотчас же к первому обращается к Некрасову. При деятельном посредничестве Некрасова пьесы были изданы в двух томах.

Ежегодно бывает Островский в Петербурге у Некрасова, набирается сил и упорства для творчества в кипучей атмосфере «Современника».

Тяжелый для Некрасова 1860 год. Из «Современника» уходят писатели-дворяне, и среди них — наилучший друг — Турге-

внев. Некрасов очень одинок, страдает. Островский остается верен и дружбе, и знамени «Современника», шлет пьесу под многозначительным названием «Старый друг лучше новых двух». Некрасов с благодарностью пишет: «Мы с Добролюбовым ее прочли и нашли, что она в своем роде великолепна, то есть вполне достойна вашего дарования».

Осенью 1861 года театрально-литературный комитет, ничем не мотивируя свое решение, отверг уже пропущенную драматической цензурой комедию Островского «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Балзаминова»). Островский в отчаянии пишет начальнику репертуарной части императорских петербургских театров Федорову, что он решает «отказаться совершенно от сцены и не подвергать своих будущих произведений такому произвольному суду». Запрещение пьесы вызвало возмущение всей передовой печати. Некрасовский «Современник» выступает в этом деле заповалом. Сам Некрасов несколько раз ездил к директору императорских театров Сабурову, хлопотал за друга, послал ему книгу своих стихов с теплой дарственной надписью, пригласил к себе... А ведь как раз в это время умер Добролюбов, которого Некрасов любил, как сына!

Новый 1862 год Островский встречает в Петербурге у Некрасова. Празднуют не только новгородцы, но и публикацию в первом номере «Современника» исторической хроники «Козья Захарыя Мицин-Сухорук». Сразу же Некрасов издает пьесу отдельной книгой и сдает ее на комиссию книгопродавцам.

Над «Современником» сгу-

даются тучи. Островский зовет Некрасова в Москву — погостить. Но Некрасов видит, что сейчас не до гостей. «У нас здесь довольно скверно», — пишет он другу. И точно — вскоре был арестован Чернышевский и заключен в Петропавловскую крепость, а «Современник» приостановлен на восемь месяцев. Некрасов не сдается, хлопочет о возобновлении журнала, пишет Островскому, чтобы тот готовил новую пьесу.

1863 год. Островский гостит у Некрасова в ярославской усадьбе Карабихе. Здесь же и Салтыков-Щедрин. «Современник» идет хорошо, в редакции полное единомыслие и взаимопонимание. Друзья насла-

ются тучи. Островский зовет Некрасова в Москву — погостить. Но Некрасов видит, что сейчас не до гостей. «У нас здесь довольно скверно», — пишет он другу. И точно — вскоре был арестован Чернышевский и заключен в Петропавловскую крепость, а «Современник» приостановлен на восемь месяцев. Некрасов не сдается, хлопочет о возобновлении журнала, пишет Островскому, чтобы тот готовил новую пьесу.

1868 год. Некрасов берет в аренду журнал Краевского «Отечественные записки». Островский ставит в это время в Петербурге драму «Василиса

Мелентьева». Некрасов горит

кто знает, долго ли он продержится...» Это написано 18 мая. А 1 июня «по высочайшему повелению» «Современник» был закрыт и навсегда прекратил свое существование.

Через неделю Некрасов пишет: «Я приступаю к ликвидации дел «Современника» и, на днях кончив ее, поеду в деревню через Москву, заеду к вам, а пока прощайте, все наши общие знакомые здоровы». Последняя фраза написана неспроста — в период муравьевского террора Некрасов и его соратники по журналу могли ежедневно ожидать ареста.

1870 год. Островский начинает хлопотать о пенсии и просит друга, имеющего большие связи среди высшего чиновничества, помочь ему в этом деле. Между ними идет оживленная дружеская переписка. Островский — Некрасову:

«Пишу вам для первой книжки довольно большую вещь («Бешеные деньги»)... Нет ли у вас случая повлиять на Адлерберга (министр двора.— А. Л.)... Будьте отец и благодетель!»

Некрасов — Островскому: «На пьесу вашу будем рассчитывать... Насчет вашего желания, выраженного в письме, скажу, что надо бы составить записку, которую при случае мог бы вручить графу Адлербергу... Я чувствую смертную хандру... Кажется мне, что скоро умру».

Ответ: «Дорогой мой Николай Алексеевич, зачем вы пугаете людей, любящих вас! Как вам умирать? С кем же тогда мне идти в литературу? Ведь мы с вами только двое настоящие народные поэты».

«Любезнейший Александр Николаевич, отзовитесь! Мы давно от вас не имеем весточки. Журнал наш тоже интересуется вами; желательно знать — можем ли рассчитывать на вас, — на какое произведение и в каком времени? Благоволите написать нам несколько слов и верьте, что мы вас помним и вспоминаем часто! Весь ваш Некрасов».

И Островский отзывается — присылает одну из лучших своих комедий — «Лес». Некрасов в восторге. «Лес» — вещь великолепная!»

На следующий год Островский читает у Некрасова новую свою комедию — «Не было ни гроша, да вдруг алтын», кото-

рая вскоре была опубликована в «Отечественных записках»; следом в журнале печатается «Комик».

В дальнейшем все свои лучшие пьесы Островский печатал в «Отечественных записках» — 14 пьес до 1887 года.

1875 год. Некрасов уже серьезно, неизлечимо болен. Однако самоабвенно работает сам и призывает к неустанному труду друга.

В декабре газета «Голос» Краевского, человека в политике довольно индифферентного, а в делах литературных зачастую беспринципного, печатает анонимные «Московские заметки», в которых называет Островского «громовержцем», «бичевателем», который «норовит захлестнуть русское общество в самое чувствительное место в организме». Некрасов угнетает огорченного друга: «Люди ловкие пользуются некоторым легкомыслием и пренебрежением, с которыми газета «Голос» относится к вопросам литературным, — там случайно могут обругать и похвалить кого угодно, ибо редакция эта — плохой судья в деле».

1876 год. Некрасов лечится в Крыму. На обратном пути останавливается в Москве. И первое дело — известить друга: «Поехать к вам не могу, потому что почти без ног. Очень желал бы повидаться с вами; пожалуйста, заезжайте... Даем лучше, чем вечером; вечером меня очень ломает».

Они встретились. Островский был поражен изможденным видом друга; чувствует, что поэт недолго протянет. Драматург безутешно опечален.

А Некрасов, почти уже на смертном ложе, продолжает хлопотать за друга: хочет обезопасить его от «капиталиста» и «крокодила» Краевского, хлопочет о передаче издания сочинений Островского книгоиздателю Глазунову. Это — последнее известное письмо Некрасова к Островскому.

Уже после смерти поэта Гончаров писал Островскому: «Литературе вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский национальный театр. Он по справедливости должен называться «театр Островского»».

Будь жив Некрасов, он бы с чистым сердцем поставил под этими глубоко справедливыми словами и свою подпись, так как принимал в создании этого театра самое непосредственное участие.

А. ЛИПАТОВ.

Единомышленники

живших к тому времени основные отделы журнала. Чтобы укрепить редакцию, Некрасов заключает с ведущими сотрудниками журнала так называемое «обязательное соглашение», по которому Лев Толстой, Тургенев, Григорович и Островский, а также редакторы-издатели Некрасов и Панаев обязуются писать исключительно для «Современника» и участвуют в прибылях журнала. Островский в это время находился в Ярославле. Некрасов находит портфель редакции пустым — участники «соглашения» манкируют своими обязательствами. Некрасов пишет всем напоминание, в том числе и Островскому, сухо и официально. Но в конце добавляет: «Мне очень прискорбно, что я должен был написать к вам деловое письмо, вместо дружеского и искреннего приветствия, но вы поверьте, что дело не мешает мне душевно любить и уважать вас».

И в другом письме: «Пожалуйста, любезный Александр Николаевич, отзовитесь. Ей-богу, очень в сию минуту важен вопрос — напишете ли вы что-нибудь? пишите ли? и когда примерно можете прислать готовую вещь? Очень скучно получать такие запросы, еще скучнее писать их, и я, признаюсь, уже ругал себя не раз, что приготовил себе такую роль. Впрочем, надеюсь, вы за написанное не сердитесь. И далее — деловое предложение напечатать в сборнике «Для легкого чтения» комедию «Доходное место» и хорошо заплатить за нее. Но комедию запретили. Островский в отчаянии. Некрасов не только утешает друга, но и хлопочет за него у влиятельных сановников, к ко-

даются покоем и тишиной. Островский пропадает по утрам и вечерним зорям на реке Которосли — самоабвенно рыбачит... Затем уезжает в Нижний Новгород на ярмарку. Вслед за ним поехали туда и Некрасовы. После поездки Некрасов пишет другу о делах, а в конце добавляет:

«В Нижний прибыли мы через день после вашего отъезда, надеялся там вас увидеть и оттого не отвечал вам на предыдущее ваше милейшее письмо, за которое как я, так равно сестра и брат душевно вас благодарим. Все наши часто и с любовью вас вспоминают и приказали вам сильно кланяться. Весь ваш Некрасов».

Весной 1864 года Островский заболел. Хандрит. Пишет Некрасову, что все его зыблили, что сил у него уже мало, что писать не хочется.

Ободряя друга, Некрасов вдохновляет его на создание пьесы «Сон на Волге» («Воевода»), которую Островский в январе нового года уже читает на квартире Некрасова в кругу друзей. В этом же году Некрасов совместно с Гербелем задумал издание полного собрания сочинений Шекспира. Некрасов привлекает к работе и Островского, который переводит для собрания комедию «Укрощение строптивой».

1866 год. Выстрел Каракозова. Над «Современником» снова сгущаются тучи, на этот раз уже грозные. Некрасов хлопочет, выбываясь из сил. Однако не забывает и о друге. Островский в это время пишет историческую драму «Дмитрий Самозванец». Некрасов предлагает ему за нее полторы тысячи рублей. «На эту сумму я решаюсь, более же дать не могу; главная причина: шаткость существования журнала —

даются покоем и тишиной. Островский пропадает по утрам и вечерним зорям на реке Которосли — самоабвенно рыбачит... Затем уезжает в Нижний Новгород на ярмарку. Вслед за ним поехали туда и Некрасовы. После поездки Некрасов пишет другу о делах, а в конце добавляет:

«В Нижний прибыли мы через день после вашего отъезда, надеялся там вас увидеть и оттого не отвечал вам на предыдущее ваше милейшее письмо, за которое как я, так равно сестра и брат душевно вас благодарим. Все наши часто и с любовью вас вспоминают и приказали вам сильно кланяться. Весь ваш Некрасов».

Весной 1864 года Островский заболел. Хандрит. Пишет Некрасову, что все его зыблили, что сил у него уже мало, что писать не хочется.

Ободряя друга, Некрасов вдохновляет его на создание пьесы «Сон на Волге» («Воевода»), которую Островский в январе нового года уже читает на квартире Некрасова в кругу друзей. В этом же году Некрасов совместно с Гербелем задумал издание полного собрания сочинений Шекспира. Некрасов привлекает к работе и Островского, который переводит для собрания комедию «Укрощение строптивой».